ПОИСК БЕЗ АНТРАКТОВ

В ПРЕДДВЕРИИ XXV съезда нашей партии хочется сказать, что время, прошедшее после XXIV съезда, стало временем больших перемен в жизни Грузинской республики. Обстановка партийной принципиальности, самокритичности и общественного самоанализа изменила климат во всех без исключения сферах нашей деятельности.

Естественно, театр как живой общественный организм не мог оставаться в стороне. Впрочем, грузинский советский театр никогда не уповал на свои славные традиции в надежде, что они избавят его от трудных решений в выборе дальнейшего пути. Здесь всегда ценилась истина: если искусство стоит на месте, оно движется назад.

Итак, проблематика, рожденная в жизни общественными преобразованиями в республике, не прошла мимо внимания театра. Лучшие коллективы — Театры имени Руставели, Марджанишвили, театр из Рустави решали каждый в своем ключе и возможными на театре средствами гражданские, нравственные проблемы времени.

Перечень лучших спектаклей — «Судья» Г. Хухашвили (Театр имени Марджанишвили), «Доктор Штокман» Г. Ибсена (Театр имени Руставели), «Сто лет спустя» В. Коростылева (Театр г. Рустави) — сам по себе пестр. Однако каждая постановка была не только современной, но своевременной.

Действие пьесы «Судья» охватывает полвека человеческой жизни. Герой ее отстаивает нравственные принципы. Само время было ему авторитетным и неподкупным судьей.

Где, казалось бы, видимые параллели между терзаниями ибсеновского доктора Штокмана и недавним периодом грузинской действительности? Но Театр Руставели нашел эти параллели, очертив позицию Штокмана так — бесперспективно и трагично благородные, основанное на эгоизме, лицемерии, фальши.

Романтическая психологически напряженная драма В. Коростылева «Сто лет спустя» рассказывает о декабристах. Да, историю надо учить, чтобы она учила нас. Но в чем урок истории, преподанный молодым тогда театром из Рустави? Он в том, что мало распознать зло, дать ему оценку. Надо еще быть готовым к борьбе с ним.

Так или иначе, прямо или косвенно, любое деление творческого коллектива должно отвечать на вопросы, поставленные жизнью. В этом видят свое назначение сегодня театры Грузии. В том, что названные выше спектакли ставили режиссеры разного творческого почерка и видения (А. Кутателадзе, Р. Стуруа, Г. Лордкипанидзе), тоже просматривается общность гражданской сверхзадачи — служить обществу. Но она, к сожалению, резко контрастировала с общим фоном недавнего прошлого. Что греха таить, сколько было бесцветных, пусть профессионально сделанных, но безадресных, повисших между временем и пространством работ.

Однако кому не хотелось быть «пророком» в своем отечестве. И стоило появиться произведению с ярким, целеустремленным героем, с острой ситуацией, действенным конфликтом, и театры буквально наперегонки ставили одну и ту же пьесу. Что ж, может быть, это тоже форма творческого соревнования. Почему не поглядеть на разную трактовку, интерпретацию авторской мысли? Добро бы так. Но ведь результатом такого «соревнования» чаще оказывались слабые перепевы, а то и копии, одна бледнее другой.

Особенно это замечается, когда календарный случай вроде бы все оправдывает. В ознаменование великой даты Победы над фашизмом далеко не один театр воспользовался опробированным материалом. Скажем, пьесой «А зори здесь тихие...». Слов нет, успех подобных пьес на многих подмостках страны обогащает репертуар, служит святому делу братского взаимообщения культур, но есть в этом и явная потеря — утрата инициативы, когда налицо явное стремление идти путем наименьшего сопротивления, чтобы не сказать — привычка жить «на готовом».

Все дело в том, что при таком тиражировании мы вряд ли сможем говорить о настоящих победах в искусстве.

Тут-то и хочется еще раз вернуться к не однажды подтвержденной истине: театр должен копить и взращивать материал в собственных стенах, быть творческой лабораторией. Ведь жизнь театра — постоянный творческий процесс работы с авторами, с литературой, а не дебаты в ожидании шедевра. Театр — об этом говорит весь опыт знаменитых коллективов — не исполнитель авторской партитуры, а соавтор драматурга. Но, что и говорить, первооткрывателям приходится нелегко, гораздо труднее, нежели живущим на «подножном» корму.

Легко, как говорятся, констатировать факт. А какие пути предложить? Обратимся снова к практике, к опыту. Да, скажут мне, поставил Театр имени Марджанишвили оригинальные спектакли — «Этериани», «Рана», «Невосполнимая чаша» — во многом любопытные, но был вокруг них нелицеприятный разговор о снижении уровня, свойственного академическому театру. Отвечу. Здесь прочет другого рода — поспешность. И нисколько это не оправдывает желания вернуться на испытанный путь чужих побед, который спокойнее, но вряд ли плодотворнее временных поражений. Искать, но искать активно, доводя поиск до логического конца, не снижать критерии требовательности к себе, перенося их на плечи писательской братии,— главная задача любого творческого коллектива, принципов в крайней ситуации, сама ситуация, привлекшая своей остротой — действие ведь происходит в момент предварительного заключения,— не были первостепенными в вопросе выбора. Книга обращала на себя внимание живой, острой заинтересованностью судьбами человеческими, тонкой наблюдательностью и доброй писательской чуткостью к этим судьбам.

Успешный приход прозаика Г. Панджикидзе в театр состоялся по тем же причинам: смысл и содержание его прозы не только отвечали злобе дня, но и сегодняшним запросам грузинского театра, испытывающего жажду откровенного разговора со зрителем. Марджанишвилевцы инсценировали его роман «Камень чистой воды». Можно было усмотреть ряд огрехов в постановке, но внутренняя напряженность романа, его бескомпромиссность сделали свое: спектакль привлек зрителя, причем не случайного зрителя, а главное, на грузинской сцене появились интересные молодые герои. С таким же интересом была принята постановка второго произведения Г. Панджикидзе — «Седьмое небо» на сцене Театра имени Руставели.

А писатели что? Писатели не в таком уж неоплатном долгу перед театром. Скорее он, долг этот, стал удобной отговоркой. Помним же мы, как прямо со страниц журнала повесть, еще не ставшая книгой, заговорила со сцены рустави, а затем Академического театра имени Руставели. Я напоминаю заслуженный и долгий успех «Белых флагов» Н. Думбадзе, называвшихся в сценической редакции «Обжинательным заключением». Живой нерв литературного произведения стал еще острее и обнаженнее на сцене. Сама коллизия: столкновение характеров, судеб, жизненных принципов.

Ранее имели серьезный и принципиальный успех пьесы «Пока арба не перевернулась» О. Иоселиани и «Мост» А. Чхиндзе, отвечающие на думы и чаяния масс и поэтому обошедшие подмостки многих театров страны. К слову скажу, высокий удельный вес грузинской прозы в театре не случаен.

Испробован нашими театрами и другой путь. Обращение к классике. Ее новое прочтение. Последний пример — роман М. Джавахишвили «Квачи Квачантирадзе», инсценированный в марджанишвилевском театре. Роман этот опирается на не так уж давнюю историю — 20-е годы. Я как интерпретатор известной книги подчеркивал актуальность коллизий. Конечно, материал этот требовал нового прочтения. А значит, определенных коррективов. Не сужу об итоге, достигнутом нами, хотя знаю, что воспринят спектакль был опять же с нашими современными позиций. И все-таки не уверен, взялся бы я за работу над ним, располагай я тому времени интересным современным произведением. Жажда современного не утолена театром. То же с пьесой Н. Какабадзе «Кварквare Тутабера». Сколько раз она возвращалась на сцены за свою историю? К чести постановщика Р. Стуруа отмечу, что он прочел пьесу заново. Более того, стал интересным соавтором классика. Даже привлек новые сцены и штрихи из брехтовской «Карьеры Артуро Уи» размером в целый акт. Публицистичность, хлесткий сарказм были нацелены на порок живущих и среди нас. Обвинение «кваркваризму», как авантюризму под мимикрией бурной деятельности, прозвучало своевременно. Вскоре Стуруа заново, по-своему стилизует «Измену» А. Сумбаташвили. А недавно мы увидели спектакль руставелевцев «Кавказский меловой круг» Б. Брехта в его же постановке. Это образец гармоничности, самобытности, стилистического единства. Победа режиссера оказалась на поверку и закономерным итогом его предыдущих поисков, счастливым венцом их, красноречиво показывающим, как труден, долог поиск таланта и как прекрасен результат, если поиск творческий, приводящий к зрелым художническим принципам.

Впрочем, интересные поиски Р. Стуруа — лишь одна струя в движении грузинского театра. Руставский театр отдал, к примеру, предпочтение уже утвердившемуся, стабильному стилю драмы. Мы увидели здесь «Гамлета» и «Пиросмани». Оба постановки заслуживают глубокого анализа. Достаточно сказать, что для исполнителя заглавных ролей О. Мегвинетухуцеси эти работы этапны. Любопытно в контексте нашего разговора отметить, что принц датский и художник-самоучка стали в этих работах героями-современниками.

Еще одна примечательная тенденция. В одном театре — в руставелевском — работают бок о бок два принципиально различных по манере режиссера — Р. Стуруа и Т. Чхеидзе. Создан интересный спектакль «Мачеха Саманишвили» сообща, каждый из них впоследствии определил свой особый путь. Условно-философичный метод исследований Р. Стуруа вроде бы должен исключать лиричную, бытово-реалистическую манеру Т. Чхеидзе. Но взаимоисключения не происходит, несмотря на бытующее мнение, что такие противоположности в одной труппе вступают в противоречие. Но, может быть, так и должно быть в сложном, многогранном организме театра?

К разговору о режиссерских стилях остановлюсь и на такой, кажущейся мне серьезной, проблеме. Утвердились в наших двух ведущих театрах — имени Руставели и Марджанишвили — практика коллегиальной работы. И это хорошо. Но в многоступенчатом и сложном организме театра должно быть решающее звено, авторитетная инстанция, именуемая главным режиссером. Коллегия режиссеров — все-таки собрание многоликое, часто взаимоисключающее истину в последней инстанции. Я лично не могу представить себе театр без решающего ответственного звена, как не знаю журнала без главного редактора.

Диалектика жизни берет свое — театр покидает поколение старых мастеров. Естественно, на их место идет новая смена. Перемены эти не выглядят механической сменой поколений. Молодость, как известно, несет с собой не только свежесть и энергию, но и противоречия с устоявшимися понятиями и привычными нам реалиями. Роль мастеров не только поучать и предостерегать неопытность, но и уметь слушать и понимать молодых.

Проблем много. Оснований для успокоенности нет. Радует все-таки одно — бьется театральный пульс интенсивно, за ним пристально следят, иногда, правда, торопясь с диагнозами. Но одно бесспорно — живая, творческая, рабочая атмосфера в грузинском театре приносит нам все новые и новые радости. Настроение у нас отрадное, тем более что проблемы и сложности наши внимательно изучаются и разрешаются партийным руководством республики. Достаточно сказать, что за последнее время Центральный Комитет Компартии Грузии не раз специально обращался к вопросам театральной действительности, вопросам репертуара и организационно-практическим мерам. Такое внимание мобилизует. И есть уверенность, что отныне процесс роста и поисков будет проходить без затяжных антрактов.

Дмитрий АЛЕКСИДЗЕ,
председатель президиума Театрального общества Грузии, народный артист Грузинской и Украинской ССР.